

Результат

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ
XXIX
МЕЖВУЗОВСКОЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
И АСПИРАНТОВ

Выпуск 9
РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Часть 1

*13-18 марта 2000 г.
Санкт-Петербург*

Издательство Санкт-Петербургского университета
2000

д) с ну, синонимичным *давай*: *Старуха видит, что говорит бог знает что, ухватила полено мокро и ну старика гвоздить* (247);

е) с глагольными междометиями: например, *тяп-тяп*: *Приехал в лес, выбрал дерево — и тяп-тяп по нему топором* (145).

Для второго типа характерны предикаты:

а) моторно-кратные глаголы: *Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня — одни кости обглоданные* (156);

б) с лексическими показателями повторяемости: например, *раз-другой*: *Фомка мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч* (524);

в) с ну в фазовом значении: *Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал* (58);

г) с и *давай*: *Тотчас отворились дверцы в подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, внесли всю и приказывают...* (465); *Выпили конюхи по стакану — хорошо, выпили по другому — еще лучше, и давай пить опорожнять дочиста; напились пьяны и заснули как убитые* (502) (с использованием синонимов как повторов, усиливающих смысл: *пить-опорожнять*);

д) со сколько ни... с уступительным значением: *Приходит коза; сколько ни причитывала — никто не отзывается* (46).

В третьем типе следует отметить конструкции:

а) с обстоятельственно-аспектуальным элементом типа *всё*: *Баба прогоняла, прогоняла его, не могла прогнать; злой дятел всё клюет; вот она схватила палку да как ударит: в дятла-то не попала, а ребенка зашибла...* (60);

б) как ни... с уступительным значением: *Как его царевна ни уговаривала, он таки настоял на своем; взяли его солдаты и отвели в темницу* (352);

в) с повторами: *Кот ходил, ходил и набрел на избушку* (38); *Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась* (87) (с моторно-кратными глаголами); *Делать нечего, Полюша поплакала-поплакала, и пошли они к отцу, царю* (230);

г) с ну с фазовым значением: *Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пастись, а сами ушли на деревню обедать* (508).

Для типа За характерны повторы: *Я понюхал, понюхал, а есть не стал, тут она схватила кочергу и давай меня потчевать, все ребра пересчитала!* (360).

Таким образом, соотношение предикатов, выражающих сложный комплекс действий (соотношение однократности и многократности), формирует текст в целом. Это соотношение представляет собой не только соотношение видо-временных форм, но и наличие различных лексических показателей, а также отличается экспрессией, что выражается регулярным использованием наиболее часто встречающихся во всех трех типах экспрессивных

средств — таких, как сочетания *кого ни..., что ни..., сколько ни...* с уступительным значением, и *давай, ну* с фазовым значением, разнонаправленных глаголов движения (*ходил, ходил; летала-летала...*), троекратных повторов (*Они взяли корешок, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тем корешком вытерли и три раза перевернулись через него — Иван-царевич встал...* (282)).

Примечание

¹ Русские народные сказки из сб. А. Н. Афанасьева. М., 1982. — Здесь и далее цитаты даются по этому изданию с указанием страницы в тексте в скобках.

И. Б. Дягилева

Санкт-Петербургский государственный университет

ЧАСТИЦЫ РАЗВЕ И НЕУЖЕЛИ: КОНТЕКСТЫ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Частицы *разве* и *неужели* широко употребляются как в текстах различной стилиевой принадлежности, так и в разговорной речи. В частотном словаре русского языка под редакцией Л. Н. Засориной¹ отмечено 317 случаев употребления частицы *разве*, из них 47 — в художественной прозе, 161 — в драматургии, 27 — в научно-публицистических текстах и 82 — в газетах. Частица *неужели* менее частотна, чем частица *разве*. Отмечено 155 случаев ее употребления, из них 12 — в художественной прозе, 102 — в драматургии, 6 — в научно-публицистических текстах и 35 — в газетах.

Частицы *разве* и *неужели* относятся к группе субъективно-модальных частиц и участвуют в оформлении общевпросительных предложений. Частицы *разве* и *неужели* обычно занимают препозитивное положение, но в разговорной речи *разве* может стоять в середине и в конце предложения, а *неужели* — в середине вопросительного предложения (*Разве он приехал? Он разве приехал? Он приехал разве? Неужели ты сдал экзамен? Ты неужели сдал экзамен?*). Многие исследователи отмечают, что частицы *разве* и *неужели* не могут стоять в начале устного или письменного текста, так как они употребляются в качестве высказываний, продолжающих речь или реагирующих на ситуацию речи (*Тут садик был с забором — неужели / Разросся он кудрявой этой роцей?*²; *Скажи, родимый, как могла его / Я прогневить? В одну недельку разве / Моя краса пропала?*³). Таким образом, частицы *разве* и *неужели* оказываются тесно связанными не только со структурой одного высказывания, но и с контекстом, т. е. единицами их вербального окружения.

В толковых словарях современного русского языка⁴ частицы *разве* и *неужели* описаны как синонимы. Так, значение *разве* передается через 'неужели, возможно ли что, правда ли что', а значение *неужели* — через слова 'разве, возможно ли'. В научной литературе эти частицы традиционно рассматриваются вместе, а основные различия в их семантике часто сводят-

ся к тем эмоционально-экспрессивным оттенкам, которые они вносят в предложение. Например, Н. А. Лобанова отмечает, что «с помощью *разве* выражается удивление как результат того, что действительность противоречит ожидаемому, иногда удивление с оттенком сомнения. С помощью частицы *неужели* выражается неприятное удивление, удивление с оттенком сожаления, радостное удивление или удивление, основанное на более значительном противоречии между ожидаемым и реальностью»⁵. И. П. Распопов⁶, И. П. Святогор⁷ считают, что вопросы с частицей *неужели* более экспрессивны, чем вопросы с частицей *разве*. При анализе собранного нами материала указание на разную степень экспрессивности подтверждается слабо. Авторы большинства работ, посвященных изучению данных частиц, приводят примеры их употребления вне контекста, что не позволяет не только адекватно оценить их семантические особенности, но «приводит иногда к прямо противоположным суждениям»⁸.

Едва ли не основным отличием семантики частиц является некое «скрытое», «теневое» содержание, вносимое ими в значение исходного высказывания. В полной мере относится это и к анализируемым частицам, что представляет особую трудность для понимания этих слов студентами-иностранцами, поэтому обоснованно объяснять значение и особенности употребления этих слов с привлечением разнообразных типов контекста. При этом начинать лучше с тех примеров, в которых семантика высказываний с частицами раскрывается отчетливо, а потом уже переходить к тем типам контекста, в которых семантика высказываний с частицами лишь уточняется, становится более понятной импликация скрытого содержания, вносимого частицами, и дать студентам возможность самим выделить подтекст, вносимый частицей.

Когда говорящий убежден, что какой-либо факт или событие противоречит тому, что имеет место в действительности, он употребляет частицу *разве*, стремится с помощью вопроса «разрешить» возникшее противоречие между собственными убеждениями и обстоятельствами, которые им не соответствуют»⁹ (— *Завтра покажут двухсерийный французский фильм «Супружеская жизнь».* — *Разве он двухсерийный?* — *Да*). Когда говорящий предполагает, что некое положение вещей может не иметь места в действительности, он употребляет частицу *неужели* (*Неужели ваш сын умеет читать? Ему только 4 года*).

Из этого основного различия в семантике частиц вытекают те модальные значения, которые частицы вносят в общевпросительное предложение. Так, для частицы *разве* прежде всего характерно значение сомнения (*Разве Таня работает в школе?*), неверия (*Разве она может обмануть?*), удивления (*Разве вы не ездите на машине?*), а для частицы *неужели* — удивления (*Неужели это туфли 33 размера?*), недоверия (*Все ваши статьи публикуются с авторскими картинками и коллажами. Неужели они создаются индивидуально для каждого материала?*).

Проанализируем ряд высказываний с частицами *разве* и *неужели* с позиций контекстной семантики.

- (1) И с этим Висленев вынул из кармана пальто и преподнес Форову книжку из числа изданных за границей, в которой трактовалась сущность христианства по Фейербаху.

— Благодарю вас, — отвечал майор, — но я, впрочем, этого барона фон Фейербаха не уважаю.

— А вы его *разве* читали?

— Нечего у него читать-то, вот горе¹⁰.

Из этого контекста понятно, что Висленев считал, что Форов не читал ранее книги Фейербаха. Ответ Форова удивил Висленева, так как не соответствовал его представлениям о Форове, поэтому закономерен его вопрос с частицей *разве*, заданный для разрешения его сомнения в том факте, что Форов не только читал книги Фейербаха, но и имеет о последнем отрицательное мнение. При внешней близости значений частиц *разве* и *неужели* их взаимозамена в данном контексте невозможна. Висленев дарит книгу Форову, следовательно, он в крайней степени уверен, что тот с ней незнаком. Высказывание с *неужели* выражало бы только удивление говорящего, но не соответствовало бы описанной в контексте ситуации. В данном контексте интересен ответ Форова, в котором он подтверждает негативную оценку Фейербаха, тем самым ответ на вопрос дан в имплицитной форме: если человек высказывает некое суждение о чем-либо, то логично, что он, по крайней мере, знаком с тем, о чем говорит.

- (2) — Расскажите мне о Томилиной, — попросил корреспондент. — Как давно она пишет, какое у нее образование, какая семья. Мне все интересно.

— Пишет она недавно, всего пять лет, — с готовностью начал рассказывать главред.

— *Неужели* всего пять лет? — удивился корреспондент. — Это просто поразительно. За пять лет успеть столько написать!

— Она очень работоспособна¹¹.

Корреспондент ничего не знает о Томилиной как писательнице, следовательно, его вопрос с *неужели* не может выражать сомнение в реальности факта. Спрашивающий очень удивлен тем, что столько книг можно написать за пять лет, что подтверждается и в тексте глаголом *удивиться*. Соответственно, главред в ответе на вопрос не просто подтверждает данный факт, а объясняет, что это возможно, так как Томила очень работоспособна. Замена на *разве* привела бы к разрушению речевого акта.

Частицы *разве* и *неужели* очень часто используются в риторических вопросах:

- (3) Одна за другой ее (Ассоли. — И. Д.) попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями общественного мнения, она перестала, наконец, оскорбляться, но все еще иногда спрашивала отца: «Скажи, почему нас не любят?» «Э, Ассоли, — говорил Лонтрен, — *разве* они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут»¹².

Лонтрен задает вопрос, и сам на него отвечает, он считает, что любить они (люди из их деревни) не умеют. Такой вопрос является своего рода ораторским приемом и носит очень эмоциональный характер.

- (4) Гробовщик пришел домой пьян и сердит. «Что ж это, в самом деле, — рассуждал он вслух, — чем ремесло мое нечестнее прочих? *Разве* гробовщик брат палачу? Чему

смеются басурмане? Разве гробовщик гаер святочный? Хотелось было мне позвать их на новоселье, задать им пир горой: им не бывать же тому!¹²

Вопросительное по форме предложение передает эмоционально окрашенное сообщение противоположного. В данном контексте частица *разве* максимально сближается с частицей *неужели*, так как происходит нейтрализация собственно вопросительного значения этих частиц.

На основе анализа высказываний с частицами *разве* и *неужели* можно сделать вывод об их важной роли в структуре общения и формировании контекста. Значения частиц *разве* и *неужели* максимально близки, однако в большинстве примеров замена одной частицы на другую невозможна или ведет к возникновению иной модальности. Это явление требует дальнейшего изучения. При преподавании русского языка как иностранного необходимо внимательно анализировать контексты высказываний с частицами *разве* и *неужели*, что поможет студентам наиболее полно использовать семантические возможности этих частиц для реализации их в речи.

Примечания

¹ Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М., 1977.

² Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1978. С. 102.

³ Там же. С. 104.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957—1961; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М., 1996.

⁵ Лобанова Н. А. Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке. М., 1971. С. 52.

⁶ Распопов И. П. О вопросительных частицах в современном русском языке // Труды Благовещенского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина. Т. 6. Благовещенск, 1955.

⁷ Святогор И. П. Вопросительные частицы в составе вопросительных предложений // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. Тула, 1976.

⁸ Баранов А. Н. Типы знаний и семантика общих вопросов в русском языке // Принципиальные вопросы теории знаний. Тарту, 1987. С. 15.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Лесков Н. С. На ножах. М., 1990. С. 73.

¹¹ Маринина А. Я умер вчера. Т. 1. М., 1998. С. 350.

¹² Грин А. Избранное. М., 1973. С. 23.

¹³ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1978. С. 104.

М. Г. Мирошникова

Санкт-Петербургский государственный университет

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ОЦЕНОЧНО-ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

Диалогичность, как одно из основных свойств речи, подразумевает коммуникативно-прагматическую адресованность высказывания и в экс-

PLICITНОМ ВИДЕ обладает определенным набором языковых средств, образующих на всех языковых уровнях (в том числе и на синтаксическом) специфическую систему фиксации диалогичности. Другими словами, можно говорить о системе синтаксически маркированных средств диалогичности.

Диалогичность соотносится с устными, как правило, формами речи, одной из которых является публицистика. Говоря о публицистической речи, принято выделять следующие ее основные функции: функцию сообщения (информативную), функцию воздействия, эстетическую функцию и коммуникативную в устной форме осуществления речи¹.

Однако литературная критика и публицистика являются письменной формой публицистической речи и выполняют функцию интеллектуализированного общения с широкой аудиторией. Следовательно, они обладают свойством служить коммуникантом и выполнять функцию общения, наряду с приведенными выше тремя основными функциями. Необходимо, однако, сразу же отметить особый характер условий коммуникаций в рассматриваемом подтипе публицистической письменной речи, а именно: односторонний характер общения, отсутствие возможностей общения с аудиторией на равных основаниях по сравнению с устными формами публичных выступлений (лекции, доклады). Другими словами, в письменных формах публицистической речи можно говорить об активной роли адресанта, с одной стороны, и пассивном участии адресата — с другой. Все это обуславливает развитие в письменной публицистической речи пространного монолога. Т. е. основной формой всех ведущих жанров публичных текстов является монолог. Монологичность публицистической речи предопределяет и многие ее структурные особенности: и выбор языковых средств, которые, в свою очередь, регулируются рядом факторов, среди которых немаловажным является фактор адресата.

Данный фактор играет существенную роль в развитии теории диалогичности, системы отношений между адресантом и адресатом, «намекает» на присутствие двух создателей того или иного целостного текста. Однако следует отметить, что адресованность непосредственно не указывает на факт речетворчества двоих, а лишь подчеркивает адресную направленность речи, присутствие адресата и адресанта. Адресованность связана с понятием «диалогизации», введенном и обоснованном А. Стельмашук: «Диалогизация понимается нами как система синтаксических средств, закрепляющих грамматически (отчасти — стилистически) адресованность речи двунаправленного характера»². Ведущей формой диалогизации является диалог с такой синтаксической единицей, как синтаксическое единство. К другим средствам А. Стельмашук относит диалогемы, которые носят вторичный характер. Под термином «диалогема» автор понимает разновидности диалогизации, включающие в себя различные виды грамматикализованной презентации чужой речи и структуру, называемую вопросом-ответным комплексом.

К одному из синтаксически маркированных средств диалогизации, без сомнения, можно отнести и сложноподчиненные оценочно-изъяснительные предложения. Идея диалогичности оценочной части сложноподчиненных